

негативне - несхвалення їх, з чого виникає необхідність змінити цю структуру в доцільну для суспільства сторону» "[5; С. 99].

Ще одним ключовим поняттям специфікації прав власності – є точне визначення набору повноважень власника, а саме: суб'єкта власності, об'єкта власності і способу наділення власністю. Специфікувати права власності - значить виключити інших з вільного доступу до ресурсів, і система власності - це історично складена система винятків з доступу до матеріальних і нематеріальних ресурсів. Специфікація необхідна для підтримки стійкості економічного середовища, так як формує у економічних агентів очікування того, яким буде результат тих чи інших їхніх дій.

Неповнота специфікації іменується розмиванням прав власності. Відсутність чіткої визначеності прав власників унеможливує економічний розвиток: якщо економічний агент не впевнений у непорушності своїх прав власності, він буде витрачати ресурси на задоволення поточних потреб, а не інвестувати їх у подальший розвиток.

В якості **висновку** зазначимо, що із соціально-філософської позиції, відносини власності є відносини меду людьми, це, по суті, соціокультурна і політична система, яка регулює в суспільстві доступ до матеріальних і нематеріальних благ. Саме тому відносини власності санкціонуються не тільки владою, але й соціумом, закріплюються і охороняються не тільки силою закону, а й соціокультурними інститутами.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Ананьин О.И. Концепция экономической трансформации постсоветского общества (некоторые методологические уроки) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №6. С. 15.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Сергей Николаевич Булгаков. Соч.: В 2-х т. Т. 1. - М: Наука, 1993. - С. 316.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. / Торстейн Веблен. [Перевод с английского под ред. В. В. Мотылева]. — М.: ПрогрессМ., 1984. С.25-67.
4. Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6 (50). С. 14-19.
5. Кирдина С.Г. X и Y экономики. Институциональный анализ / Светлана Георгиевна Кирдина- М.: Наука, 2004 г., с.99.
6. Остапенко І.Г., Кримець Л.В. Соціальна відповідальність бізнесу в умовах глобалізаційних трансформацій / І. Г. Остапенко, Л. В. Кримець // Збірник наукових праць «Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей», Київ: УБС НБУ, – 2013. – С. 447-452.
7. North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981. P.21

Закревський В. Э. – кандидат філософських наук, старший науковий співробітник Южного наукового центру Національної Академії педагогічних наук України. (Одеса).

УДК: 1:316.3+000.165

НОРМАТИВНЕ: СОЦІАЛЬНО-ЕТИЧНА СУТНІСТЬ ТА ЕПІСТЕМОЛОГІЧНІ ТАКТИКИ

Обґрунтовано актуальність концептуального конструювання механізму соціально-етичного моніторингу світового гуманістичного процесу у відповідності до ціннісно-нормативної системи Світового Етосу. Позначена концептуальна схема щодо напрямків соціально-філософських досліджень, орієнтованих на гуманізацію різних сегментів соціальної реальності.

Ключові слова: соціально-етичне нормативне, культурні норми, світовий гуманістичний процес, соціально-етичний моніторинг.

НОРМАТИВНОЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ

Обоснована актуальность концептуального конструирования механизма социально-этического мониторинга мирового гуманистического процесса в соответствии с ценностно-нормативной системой Мирового Этоса. Обозначена концептуальная схема направлений социально-философских исследований, ориентированных на гуманизацию различных сегментов социальной реальности.

Ключевые слова: *социально-этическое нормативное, культурные нормы, мировой гуманистический процесс, социально-этический мониторинг.*

LEGAL: SOCIAL AND ETHICAL ESSENCE AND EPISTEMOLOGICAL TACTICS

The urgency of the conceptual design of the mechanism of social and ethical monitoring of the international humanist process in accordance with value-normative system of the Global Ethos. Marked the conceptual directions of social-philosophical research focused on humanization of different segments of social reality.

Key words: *socio-ethical normative content of norms, cultural norms, world humanist process, socio-ethical monitoring.*

Находим нужным очертить четкий локальный проблемно-тематический диапазон рассмотрения проблемы нормативности и отметить, что преимущественно нас интересуют социально-этические нормы, детерминирующие социальное поведение. Данным обстоятельством определяется теоретико-практическая **проблема**, заключающаяся в неадекватности реальной социально-этической динамики и ее отражения социогуманитарным сообществом. В означенном проблемном поле, в силу превалирующего среди исследователей абстрактно-теоретического подхода к философствованию образовалась все более углубляющаяся пропасть между социально-этическим нормотворчеством и реальной социальной динамикой. Устранение катастрофического разрыва между данной частью социальной теории и социальной практикой считаем одним из важнейших направлений развития социальной философии. Ставим перед собой скромную **задачу** охарактеризовать типичные негативные и позитивные подходы представителей различных отраслей социогуманитарного знания к социально-этическому нормотворчеству, а также представить свое видение имплементации социально-философского нормативного в социальной реальности.

Проблема нормативного интенсивно разрабатывается представителями различных отраслей социальных и гуманитарных наук: социально-философское и социологическое нормотворчество, концептуальное конструирование социальной реальности - Ваттимо Д., Бергер П., Лукман Т., Дьюи Д., Дюркгейм Э., Козер А., Маркузе Г., Мертон Р., Парсонс Т., Сорокин П., Постон Т., Стюарт Й. Селлин Т.; нормативная регуляция различных сфер социальной деятельности - Быченков В., Кравченко А., Сидоренко Н., Писаренко В., Писаренко И., Попова Е., Дрешин М., Змановская Е., Бандурин А., Петленко В.; социальные нормы - Толстых А., Гишинский Я., А. Аберкромби А., Хилл С., Тернер Б., Смирнова Е., Курлов В., Бобнева М., Любимова О., Снигирева Т., Ручка А., Уорф Б., Смит А., Матвеев П.; аномия - Будон Р., Белл Д., Вилкинс I., Золотухина Е., Золотухин В., Глэйзер Д., Райе К, Голенкова З., Игитхнян Е., Казаринова И., Данилова Е., Ядов В., Доган М., Дриль Д., Коэн А., Быкова А., Кудрявцев В., Луков В., Арнольд В., Ахизер А., Пеньков Е.

Структурно-функциональное содержание нормы, согласно Ивину А. А. и Никифорову А. Л. «...включает четыре «элемента»: содержание — действие, являющееся объектом нормативной регуляции; характер — норма обязывает, разрешает или запрещает это действие; условия приложения — обстоятельства, в которых должно или не должно выполняться действие; субъект — лицо или группа лиц, которым адресована норма» [1, с. 168]. Социальные нормы представляют собой качественно определенные смысловые конструкты, формирующиеся в конкретной человеческой общности и предназначенные регламентировать и регулировать ролевое поведение людей [2, с. 371]. Относительной устойчивостью функционально-ролевых комплексов индивидуальных субъектов обеспечивается стабильность социальных процессов. Следствием дисфункции социальной деятельности является то, что в обществе действуют одновременно субъекты, ориентирующиеся и не ориентирующиеся на приоритетные для большей части населения, нормы, что приводит к

дезинтеграції міжлюдського взаємодія.

Традиційні поведінчі програми стійких людських спільнот формуються в культурні норми [3, с. 69]. Генералізованим способом регламентації соціальної активності являються правові норми, визначають обов'язкові алгоритми поведінки в типових умовах і обставинах. Різкий слом суспільного устрою на пострадянському життєвому просторі привів до катастрофічного збільшення форм і об'ємів ненормативного поведінки, прямого і косвенного ігнорування правових норм, викликаючого пренебреження моральними нормами. Дійсність групових схем взаємодія як різновидності соціальних норм забезпечується таким соціально-психологічним якостям як конформність. Одним з основних способів регламентації і регулювання соціального взаємодія в архаїчних суспільствах були так звані мононорми, інтегрально включаючи тактики поведінки в типових життєвих ситуаціях і обставинах, обумовлених соціальними, правовими і релігійними смисловими конструктами – свод законів Хаммурапі, Ману-сміти, законодавство Мойсея [4].

На пластичність, динамічність норми в якісно визначеному смисловому діапазоні вказують дослідники нормативного як соціально-етичного феномена. Особо можна виділити точне визначення норми Нартовой-Бочавер С. К. чим-то нагадує мчущую мимо Землі комету в видимому спектрі візуальних репрезентацій: «Нормальним признається те, чого багато, що стосується до середини розподілу. А «хвостові» його частини, відповідно, вказують на область низьких («субнормальних») або високих («супернормальних») значень» [5, с. 171]. Інструментом вищого рівня регламентації і регулювання суспільних відносин являються соціальні норми, органічно-оригінальним способом об'єднуючі нормативне багатство всіх – колективних і індивідуальних суб'єктів в інтегральне ціле образу життя конкретного соціального організму [6].

Базою формування так звані «народні» або «наївні» нормативні системи російські дослідники соціологічних і соціально-психологічних аспектів соціального несвідомого Сикевич З. В., Крокинська О. К., Поссель Ю. А. вважають складноскладне масове свідомство [7]. По результатам соціологічного дослідження були виявлені визначені тезауруси смислових конструктів, репрезентуючих якісну специфіку різних структур соціального організму. Наприклад, сегмент «культура, освіта, ідеї, ідеали»: представлений в суспільному свідомстві наступними означає: відсутність ідеалів, духовний упадок, бездуховність, популярна культура, «попса», криза культури, зниження рівня освіти, відхід від релігії, відхід від традицій, втрата зв'язу з історією, різноманітність культур і релігій, гуманізм, освіта і т. п.

В смисловому просторі розглядаємої проблеми представляють визначений інтерес рухоми сили (детермінанти, мотиваційні механізми) динаміки соціальних організмів і їх базових інститутів. Типові потребні профілі тих або інших груп людських спільнот визначеної культурної середовища і епохи формують морально-нравственні норми, регулюють їх взаємодія при допомозі таких регламентаційних механізмів як суспільне міння, довіра до старших, совість, сором. Потреби в життєобезпеченні, що призводять до формуванню різного роду організаційних структур, стають для колективних суб'єктів засобами рішення висуваних завдань.

Становиться можливим представити даний інституційно-соціальний «круговорот» наступним образом «...соціальна структура - менталітет - ціннісні системи - нормативні системи - соціальні інститути — індивідуальні і колективні суб'єкти – менталітет - соціальна структура». Якщо відвернутися від структурно-функціональних особливостей соціальної динаміки, то можна констатувати, що соціальною філософією в частині і глобальним соціогуманітарним суспільством в цілому загадка історичних і цивілізаційних напрямленостей світового соціального процесу і понині не розв'язана. Розгадка прихована під лівою лапою єгипетського Сфинкса, були впевнені прості люди архаїчних культур. Річ йде, перш за все, про глобально-суттєву зосередженість напрямленостей цивілізаційного процесу. В завдання даної роботи не входить детальне розгляд даної проблеми, однак представляється, що розгадка даної тайни кроється в необ'ятних недрах людських суттєвих сил, які дійсно являються соціально-філософським Сфинксом сучасного соціогуманітарного знання.

Доброцентровані потенціали в значительній мірі реалізуються в соціальному взаємодія індивідуальних суб'єктів, а зосереджені потенціали в значно вищій ступені - в діяльності колективних суб'єктів. Дане, безумовно, справедливе узагальнення,

в полной мере можно отнести к сфере компетенции того же загадочного социально-философского Сфинкса. Неизбежные процессы социальной конкуренции с дьявольской закономерностью воспроизводят социальные структуры, базовые смысловые конструкторы которых определяются носителями преимущественно негативных ценностно-нормативных систем, далеких от человечности и гуманизма. Естественно, что с одной стороны такого рода процессы обуславливаются общей «злой» судьбой человечества, диктующей, видимо, по указке дьявола, использование национальных богатств на содержание армий, разведку и психотронное оружие, а не на поиски решений проблем рака, массовых эпидемий, голода и т. п. С иной стороны, очевидно, что такого рода преимущественно милитаристски ориентированная социальная динамика, испокон веков определяются не стариками, инвалидами, тяжело, больными детьми, вдовами и сиротами, а «солидными» и относительно здоровыми государственными мужами. В силу антигуманного исторического стереотипа и массы иных факторов и обстоятельств, цивилизационный процесс - это нескончаемая вереница войн, прерываемых лишь передышками для «зализывания ран», рождения новых поколений солдат и накопления более совершенных средств взаимоуничтожения.

Вместо концентрации всего интеллектуально-гуманистического потенциала человечества и его совокупной ресурсной базы на решение злободневных экзистенциальных проблем, формирования комитетов «Человечество SOS» «Совесть человечества» «Глобальный антикризисный комитет» идет напряженная борьба за контроль над месторождениями углеводородов. И это притом, что мировое научное сообщество единодушно в том, что сжигание законсервированного миллиарды лет назад «тепла» приведет к краху эколого-климатическую систему Земли. Системный цивилизационный кризис не может продолжаться бесконечно – он может закончиться абсолютной социоприродной, и что особенно трагично, антропологической катастрофой.

Какова же взаимосвязь между гуманной составляющей социально-этического статуса и ценностно-нормативными системами локальных и глобальной человеческих общностей? Решение проблемы нормативного в формировании и регулировании социального порядка Лукьяновой Н. Г. представляется в социально-философском анализе единства ценностей, нравственности и права, как регуляторов поведения человека [8; с. 115]. Данный автор полагает, что социальная эффективность подобного рода порядка может быть обеспечена благодаря семантической (смысловой), синтаксической (формальной) и прагматической (действенной) согласованности означенных выше регуляторных механизмов. Следует отметить, что предложение Лукьяновой Н. Г. носит исключительно эпистемологический характер. Даже теоретически, безупречно решенная, данная интеллектуальная задача не имеет социально-онтологических перспектив [8, с. 115]. Лучшим «доказательством» господства в современном социогуманитарном знании абстрактно-схоластического подхода к нормативному являются концептуальная версия Любимовой О. В., выдвинутая ею в докторском диссертационном исследовании «Концептуальные основания проектирования педагогических норм в системе непрерывного профессионального образования». Теоретическое обоснование педагогического нормирования выдержано в худших традициях исторического материализма: «Процесс усвоения социальных ролей личностью, выполнение ею ролевых функций, усвоение общественных идей, культуры, социальных норм, определенного опыта человечества и функционирование их в поведении личности осуществляется по законам не только социологическим, но и социально-психологическим. Человек занимает определенное место в системе общественных отношений. Это объективное положение осознается личностью» [9, с. 39]. Абстрактно-императивный стиль рефлексии, к которому тяготеет данный автор, предполагает оперирование, социологически не обоснованными, отвлеченно вневременными смысловыми конструкторами, сугубо теоретической моделью личности и соответственно «ходульными» тактиками ее социального поведения. Если на место означенной «личности» мысленно переместить реального скинхеда, футбольного фаната, бездомного, ученого, священника, проститутку, безработного и тому подобное, то рассматриваемая абстрактно-истинная смысловая конструкция рассыпается как картонный домик.

Однако не все так безрадостно на нашем социально-философском небосклоне. Украинским философом С. Дацюком в солидном труде «Теория виртуальности» обосновано введение в проблемное поле социальной философии, вернее даже всего социогуманитарного знания, следующих понятийных конструкций: «концептуальное нормирование, отношение нормирований, лингвистическое нормирование, трансструктурная концептуализация» [10, с. 272]. В отличие от изначально неконструктивных претензий философского постмодернизма на якобы сверхрациональные познавательные стратегии, сопровождающиеся повсеместной дискредитацией

классических способов философствования, Дацюком С. осуществлена серьезная попытка создания принципиально новых фундаментальных эпистемологических моделей, предназначенных для адекватного отражения многоликой феноменологии виртуальности - одного из имманентных атрибутов социальной онтологии последних десятилетий: «Основной вопрос Теории Виртуальности — существует ли способ более адекватного (менее зависящего от онтики), нежели традиционные, выражения абсолютов: бытие, Бог, объект, система, структура, то есть — как допустима более фундаментальная онтологизация, нежели существующие?» [10, с. 272]

Представляется, что данное конструктивное направление философского дискурса адекватно вызовам современной социальной динамики, поскольку органично включает методологическую - (интерпретационно-объяснительную) и социально-технологическую составляющие. Принципиальное отличие наиболее худших проявлений новомодного философского постмодерна от такого рода онтологически оправданного подхода к пониманию, описанию, объяснению и реконструкции социальной реальности, заключается в том, что его методологическая база – это мозаичное полотно различных подходов, учений и представлений и даже чувствований, оправдывающего, «создаваемый» сильными мира сего, антигуманный социальный хаос.

Одним из антигуманных социокультурных пороков общественного сознания современного мирового социума является его поистине поразительная негативистская направленность. Новостные каналы практически всех стран мира на 90% забиты сообщениями о вооруженных конфликтах, катастрофах, авариях, серийных маньяках, зверских, или массовых убийствах. Естественно, что вышеперечисленный негатив это достаточно ограниченная часть нашей жизни, примерно так же, как будущая смерть человека. Однако это вовсе не значит, что мы должны «жить в морге» и говорить о будущей кончине каждый день. Современные средства массовой информации - добровольные слуги дьявола - освящают этот негатив и фактически превращают его в составляющую социальной реальности. Ужасы и страдания вытесняют радость, счастье, благополучие и иные, собственно сущностные, свойства человеческой жизни. Мировой кинематограф, драматическое искусство и огромный ворох макулатуры, громогласно именующий себя современной художественной литературой, а также брутально-пошлая и бесстыдно-вульгарная эстрада не балуют свои целевые аудитории позитивно-гуманистическим разнообразием. Компьютерные игры – вурдалаки и звездные войны - сплошь милитаристские - треть школьников - уже больны интернет зависимостью. Может быть хоть бы социогуманитарное сообщество способно адекватно отражать целостный социокультурный процесс? Ничего подобного! Леонтьев Д. А. в работе «Личностный потенциал: структура и диагностика» убедительно раскрыл противоборствующие в психологии позитивные и негативные векторы исследований [11]. Им убедительно доказано, что за свой, более чем полуторастолетний срок существования, психология была, да по существу и остается, наукой о нарушениях, девиациях, отклонениях от психической нормы. При этом сама психологическая норма - табу. Ведь очевидно, что определять здоровье лишь только через отсутствие болезней, с сугубо научной точки зрения, не продуктивно и не креативно. Леонтьевым Д. А. приводятся следующая статистика: «По данным электронного поиска в психологической периодике с 1887 по 1999 годы было найдено 70 856 работ о депрессии, 57 800 - о тревоге, 8072 - о гневе, 5701 - об удовлетворенности жизнью, 2 958 - о счастье и 851 - о радости. В целом исследования отрицательных эмоций перевешивали исследования положительных в 14 раз» [11, с. 172]. Мы полностью разделяем точку зрения данного автора относительно необходимости радикальной переориентации психологических исследований с преимущественного человеческого или общественного негатива на «Позитив - здоровье, радость, счастье, личные достоинства, семейную производственную гармонию, личностное развитие, одаренность» [11, с. 358]. В данной связи считаем уместным пунктирно обозначить катастрофически малые индивидуальные и коллективные «светлые лучи в темном царстве социогуманитарного негатива: Нобелевский лауреат Д. Канеман (процесс принятия человеком решений), М. Чиксентмихайи, (Эдвард Динер) – «доктор Счастье», Р. Эммонс - исследователь жизненных перспектив, духовности и мудрости, К. Рифф - психологическое благополучие, С. Любомирски - проблемы счастья, Б. Фредриксен - роль положительных эмоций, К. Петерсон - достоинства и психологические особенности личности, фонд Темплтона - исследования, посвященные духовному совершенствованию человека.

Рельефно контрастирует с данным уникальным социально-этическим позитивом негативистско-милитаристский подход к формированию содержания социогуманитарного учебно-познавательного материала в образовании. Насколько оправданным является подробное и скрупулезное отражение в курсах истории средней и высшей школы всех битв и сражений?

Представляется необходимым значительно сокращать объемы любого познавательного материала для подрастающего поколения, в котором содержится негатив. Именно знания о «плохом» программируют на его воспроизведение или же попросту «воспитывают» толерантное равнодушие к злу во всех изощренных ипостасях дьявольской экзистенциальной феноменологии. В связи с морально-нравственным упадком, являющимся составной частью современного системного кризиса представляется необходимым существенно усилить ценностно-нормативную составляющую учебно-познавательного материала образовательной и культурной деятельности.

В то же время и сквозь эти мрачные социокультурные тучи иногда пробиваются «светлые лучи». Буквально в конце прошлого тысячелетия зародилось новое направление позитивной психологии - наука о достижении счастья. М. Селигманом было убедительно доказано, что современная система социализации формирует жизненную позицию выученной беспомощности: нежелание, неумение преодолевать трудности, формировать и реализовывать потребность в достижениях. Для демонстрации данных жизненных стратегий, как нельзя лучше, подходит реальный случай, происшедший с двумя рыбаками, лодку которых унесло далеко в открытое море. Один сел за весла и непрерывно греб, даже не зная где берег. Второй просто понуро ждал смерти. Происшествие закончилось тем, что рыбаков спасли: у гребца отняли кисти, примерзшие к веслам, а второго – похоронили.

Представляется, что нормативность как непрменный атрибут общественного сознания в разных культурных мирах выполняет различные функции, обусловленные типичными смыслозначениями, присущими менталитету той или иной человеческой общности. Нормативность сознания социальных индивидов в Германии и в Индии существенно отличаются. Так Д. Эльстер, в достаточно предсказуемом англосаксонском либерально-демократическом теоретико-смысловом континууме, утверждает, что большая часть социальных и индивидуальных норм приносят больше вреда чем выгоды: «...многие социальные нормы не выгодны никому. ...социальные нормы отличаются от индивидуальных норм, представляющих собой самоограничения, выработанные людьми, чтобы преодолеть собственное безволие. Индивидуальные нормы, как и социальные, не ориентируются на результат, источником их является стремление избежать чувства смятения и вины» [12, с. 78]. Представляется, что определенному кругу коллективных субъектов предпочтительным является ненормативное в определенной мере социальное поведение субъектов индивидуальной жизнедеятельности.

Проблему «норма – аномия» можно было бы показать на социализованной эволюции нормативных систем религий мира (моральной догматики, правил и образцов поведения, социальных установок. Если бы, например, абсолютно точно соблюдать декалог, то не было бы убийств, супружеских измен, воровства, зависти, мести и т. п. Поскольку данные злые цветы порока повсеместно практикуются в общественном взаимодействии, можно с высоты двухтысячелетней истории христианства утверждать, что полностью и окончательно оно не владело умами, сердцами и душами людей. Царство Божие не утвердилось. Скорее наоборот, религиозности славян присущ ритуализм, обрядовость, увлечение формой и забвение содержания, набирающие силу процессы секуляризации, убедительно свидетельствуют о прогрессирующей «аномизации» общественных отношений. Таким образом, социальная нормология, создаваемая людьми, не эффективна. Норм, правил, которые соблюдались бы в полном объеме, нет. Что представляют собой правовые нормы, законы? Изначально это определенная попытка органов социального руководства борьбы с типичными антигуманными способами жизнедеятельности, складывающимися в обществе. В силу неких устойчивых девиантных человеческих потенций, сначала в прецедентно явочном порядке осуществляется злонамеренное действие, а уж затем появляется правовая реакция на него в виде правового акта. Радикально искоренить данную девиацию закон не может. Полагаем, что уровень гуманности общественных отношений определяются в большей мере моральными нормами, возлагаемыми на себя добровольно. Следовательно, глубинную основу направлений социальной динамики целесообразно искать именно в причинах, факторах и условиях, способствующих повышению или понижению уровня моральности и нравственности народных масс.

Выводы. Одна из основных задач будущей Глобальной Нормологической Теории заключается в постоянном Социально-Этическом Мониторинге специальной организационной структурой Совета Мирового Гуманистического Процесса, глобального мирового социального процесса на предмет соответствия его Глобальной Цели и направлений как национальным этосам, так и инвариантно-глобальным духовно-нравственным социально-моральным приоритетам Мирового Этоса. На уровне отдельного социального индивида функции означенного мониторинга аналогичны задачам совести -

© Кокорев А.В.

постоянно действующего внутреннего самоконтроля социальной активности. В связи с этим данную организационную структуру можно было бы назвать - Мониторинговый Комитет «Совесть Человечества». Представляется, что направления исследований, в рассмотренном в настоящей работе проблемно-тематическом пространстве, целесообразно концентрировать вокруг разработок «адресных» социально-философских технологий, предназначенных для гуманизации всех сфер жизнедеятельности обществ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ивин А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. — М. : ВЛАДОС, 1997. — 384 с.
2. Касьянов В. В. Социология права / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко / Ростов н/Д : Феникс, 2001. — 480 с.
3. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — Учебник для вузов ; под ред. А. П. Садохина. — М. : Алетея, 2006. — 169 с.
4. Алексеев В. П. История первобытного общества : монография / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. — М : Высшая школа, 1990. — 298 с.
5. Нартова-Бочевар, С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии : монография / С. К. Нартова-Бочавер. — СПб. : Питер, 2008. — 400 с.
6. Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория / Ю. Эльстер. — М. : THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — № 3. — С. 73-91.
7. Сикевич З. В. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Поссель. — СПб. : АООТ Правда, 2005. — 266 с.
8. Лукьянова Н. Г. Нравственность и право как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Н. Г. Лукьянова ; Пятигорский пед. институт. — Пятигорск, 2004. — 197 с.
9. Любимова О. В. Концептуальные основания проектирования педагогических норм в системе непрерывного профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / О. В. Любимова ; Ижевский гос. техн. ун.-т. — Ижевск, 2012. — 54 с.
10. Дацюк С. Теория виртуальности / С. Дацюк. — Киев. — 2008. Свидетельство о регистрации авторского права №26383 выдано 6 ноября 2008 года государственным департаментом интеллектуальной собственности Министерства науки и образования Украины. — 630 с.
11. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика : монография / Д. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 2011. — 680 с.
12. Elster J. Social Norms and Economic Theory / J. Elster. — The Journal of Economic Perspectives. — 1989. — V. 3, no. 4. — P. 89-117.

Кокорев А.В. - кандидат философских наук, ст.преподаватель кафедры компьютерно-интегральных технологических процессов и производств Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова

УДК:167/168:001

ОСМИСЛЕННЯ ПРИРОДИ І СУТНОСТІ ТЕХНІКИ В СУСПІЛЬНОМУ РОЗВИТКУ

У статті розглядається суть техніки як артефакту, що штучно створений людиною і надалі удосконалений. Був проведений аналіз філософії техніки який, показав, що вона направлена на осмислення багатоаспектного феномену техніки, який вимагає міждисциплінарного підходу при її системному дослідженні. Пояснено поняття техніки й обґрунтована її роль у цивілізаційній динаміці.

Ключові слова: *техніка, артефакт, система, техносфера, інформація*